

Ночь была еще глубокой, и яркий лунный свет струился через окно, окутывая комнату в серую дымку. Лян Сьюэ долго ворочалась в постели, но в конце концов, измученная, погрузилась в сон.

В полусне, в туманной дымке, ей показалось, что у ее кровати стоит огромная тень. Она резко проснулась и, открыв глаза, увидела пугающую фигуру, стоящую у изголовья. Сердце ее едва не остановилось от ужаса, и она, едва не плача, отползла к стене. Эти видения уже доводили ее до безумия, и она с отчаянием воскликнула:

— Почему вы преследуете меня? Почему!

Тень у кровати слегка качнулась, и в тусклом свете проступил ее силуэт. Волосы, похожие на сорняки, покрывали ее тело, испачканное грязью и травой. Она стояла босиком на полу, с ее тела капала мутная жидкость, оставляя на деревянных досках мокрые пятна. Особенно бросались в глаза ее руки — ладони отсутствовали, обнажая белые кости и разорванную кожу. Вид этого вызывал у Лян Сьюэ отвращение.

Однако низшие призраки не способны говорить. На ее горле зиял порез, похожий на приоткрытый рот, с синеватым оттенком, что выглядело особенно ужасающе.

— Что вы хотите? — Лян Сьюэ пристально смотрела на тень, и вдруг ей показалось, что она ее где-то видела. В голове всплыл образ — телевизор, черно-белое изображение, призрак женщины, протягивающей руку к экрану.

Но прежде чем она успела подумать об этом, картина перед ней изменилась. Лян Сьюэ оказалась перед безбрежным морем, где мягкие волны слегка покачивали ее лодку, превратившуюся из кровати. Рядом с ней плыл знакомый призрак, окруженный черным туманом, молча наблюдая за ней.

Лодка медленно двигалась к горизонту, и вскоре Лян Сьюэ с ужасом поняла, что это «море» на самом деле было густым слоем черного тумана, из которого то и дело высывались руки, большинство из которых были гнилыми, с серовато-синей кожей. Они, как ветви деревьев, то вытягивались, то снова скрывались, толкая лодку вперед.

В ушах Лян Сьюэ раздавались далекие, едва слышные стоны и крики, полные боли. Казалось, она попала в Море Скорби, где души грешников были заключены под «водой», вечно испытывая муки утопления, и лишь их руки, протянутые вверх, пытались выбраться из этого моря страданий.

Лодка продолжала плыть, пока на горизонте не появился черный контур — небольшой остров, напоминающий холм, спокойно стоящий посреди бескрайнего моря. На нем были разбросаны кучи одежды, и бесчисленные духи слетались туда, отчаянно пытаясь найти свои вещи. Некоторые из них, прилагая слишком много усилий, отрывали себе руки, которые с глухим стуком падали в воду и исчезали. Духи, оставшиеся без рук, молча опускались на дно.

Лян Сьюэ, охваченная ужасом, прикрыла рот рукой, не в силах отвести взгляд. Эта сцена была ей знакома — она видела ее в доме Цао Цзинсина. Вдруг она вскрикнула, увидев высокую фигуру, стоящую на вершине холма. Его лицо было знакомо, но выражение совершенно иным. Он был окружен черным туманом, и лишь его глаза, похожие на львиные, сверкали в темноте, словно поглощая весь свет. Он стоял спокойно, как владыка на вершине мира, и смотрел на нее с холодным состраданием.

— Уйди, иначе я убью тебя.

Лян Сьюэ содрогнулась и, сглотнув, ответила:

— Я не знаю, как уйти.

— Сюда попадают только те, кто потерял часть своей души, — холодно произнес Цао Цзинсин.

Лян Сьюэ, растерянная, спросила:

— Я не понимаю, что произошло. Ты Цао Цзинсин?

Цао Цзинсин не ответил на ее вопрос, лишь спокойно продолжил:

— Ты занималась торговлей с мертвыми, верно? Когда снимала одежду с умирающих, ты не думала о последствиях. Незнание не освобождает от ответственности. Теперь ты пожинаешь плоды своих действий. Это Море Скорби, где обитают духи, потерявшие часть своей души. На острове находятся их утраченные части. Если они смогут найти их, то воссоединятся. Если нет, то навсегда останутся в море.

Услышав это, Лян Сьюэ побледнела. Она не ожидала, что ее тайна раскроется так легко. Грязные сделки лишили ее уверенности, и она, словно лишившись сил, спросила:

— Почему я здесь?

— Они привели тебя сюда, — Цао Цзинсин холодно смотрел на нее, не сказав всей правды: только те, чья душа слаба, могут быть увлечены мстительными духами. С Лян Сьюэ, должно быть, произошло что-то ужасное. Он безжалостно добавил:

— Теперь я изгоню тебя.

— Ты расскажешь об этом Ци Чжэну? — с тревогой спросила Лян Сьюэ. Призраки были далеки, но больше всего она боялась, что Ци Чжэн узнает о ее грязных делах.

— Это не мое дело, — Цао Цзинсин бросил на нее безучастный взгляд.

В этот момент на горизонте Моря Скорби появился серебристый круг, испускающий яркий свет. Духи на острове закричали и бросились в воду. Руки, которые раньше ритмично

двигались на поверхности, начали судорожно дергаться, и в воздухе разлился запах гари. Духи в море застонали, их крики сливались в единый плач.

Через несколько секунд все руки исчезли, и море стало гладким, как зеркало. Туман, словно облака, плавно колыхался.

Цао Цзинсин, не отрывая взгляда от Лян Сьюэ, произнес низким, проникновенным голосом, напоминающим погребальный звон:

— Мертвые не уходят, живые не входят. Нарушители моего пространства будут изгнаны.

Лян Сьюэ смотрела, как Цао Цзинсин поднимается вверх. Серебристый свет становился все ярче, и она зажмурилась. В следующий момент все погрузилось во тьму.

Щелк.

— Ах! — Лян Сьюэ резко проснулась, тяжело дыша. Цао Цзинсин, только что вернувшийся после умывания, бросил на нее удивленный взгляд, затем, не выражая эмоций, поднес палец к губам, призывая к тишине.

Лян Сьюэ с изумлением смотрела на него. Его холодное выражение лица было точь-в-точь таким же, как в ее сне, и она не могла понять, что из этого было реальностью. Ее тело дрожало, и она не смела произнести ни слова, вспоминая его устрашающий вид прошлой ночью.

— Не шуми, — шепотом предупредил Цао Цзинсин.

Лян Сьюэ сразу же замолчала.

На улице было рано, птицы щебетали, а Ци Чжэн все еще спал. Цао Цзинсин, бросив взгляд на испуганную Лян Сьюэ, с тем же безучастным выражением собрал свои вещи и вышел.

Как только он ушел, Лян Сьюэ с облегчением вздохнула, но в душе ее копилось беспокойство.

Через полчаса Ци Чжэн проснулся, и Цао Цзинсин, как будто рассчитав время, вернулся с пакетом булочек и палочек. Ци Чжэн умылся, и они, как давние партнеры, молча разделили завтрак.

Лян Сьюэ, небрежно жуя булочку, тихо сказала:

— Я хочу вернуться в свою комнату.

<http://bllate.org/book/15406/1361904>